
Крутицкий митрополит Геласий (1586–1601) и русская церковная элита в раннее Новое время

Андрей Усачёв

Metropolitan Gelasius of Krutitsy (1586–1601)
and the Russian Church elite in the Early Modern Period

Andrey Usachev

(*Russian State University for the Humanities, Moscow;*
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X25020165, EDN: DRETST

В отличие от мира светской элиты, миру руководителей Русской Церкви на рубеже Средневековья и Нового времени в науке уделяется меньше внимания. Во многом это обусловлено скучностью источников. Они, как правило, освещают лишь отдельные факты биографий иерархов, крайне редко повествуя об их происхождении, вероятных причинах возвышения и круге личных связей. Привлечение неизвестных ранее данных позволяет по-новому взглянуть как на отдельных архиереев, так и на церковную элиту в целом и составить более полное представление о сравнительно узком круге лиц, которые, наряду с членами Боярской думы, управляли ещё сравнительно рыхлой в административном отношении страной. К числу значимых руководителей Русской Церкви последней четверти XVI в. относился крутицкий митрополит Геласий (1586–1601). «По должности» являясь ближайшим помощником патриарха Иова (1586–1605), он оказывал немалое влияние на события как церковной, так и политической истории¹. Что определило успешную церковную карьеру Геласия? Итоги изучения неизвестных ранее фактов его биографии позволяют не только предложить ответ на этот вопрос, но и существенно расширить имеющиеся в науке представления о принципах формирования церковной элиты в России в рассматриваемый период.

На первый взгляд, установление причин возвышения Геласия особых затруднений не вызывает. Известные биографам источники, с одной стороны, не содержат сведений о его связях с какой-либо влиятельной внутрицерковной группой, с другой — ничего не сообщают о его жизни до поставления на Крутицкую (Сарскую и Подонскую) кафедру. Это, а также поддержка Геласием патриарха Иова и Годуновых (он, в частности, вместе с кн. В.И. Шуйским возглавлял следственную комиссию в Угличе в 1591 г.), казалось бы, позволяет

© 2025 г. А.С. Усачёв

¹ Обзор основных фактов биографии Геласия см.: Борисов В.А. Собрание трудов и материалов. Т. 3. Иваново, 2005. С. 140–141 (первое издание статьи «Евангелие с надписью митрополита Геласия» — 1855 г.); Леонид (Кавелин), архим. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частию Суздальской епархии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1862. Кн. 2. С. 94; Сарайская и Крутицкая епархия. Материалы, собранные священником Н.А. Соловьёвым // ЧОИДР. 1894. Кн. 3. С. 61–63; Макарий (Веретенников), архим. Геласий // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 543–544; Ульяновский В.И. «Священство» и «царство» в начале Смуты. Московские патриархи, российские монастыри, духовенство. М.; СПб., 2021. С. 53, 55, 59, 62, 244.

предположить, что его карьера определялась близостью к патриарху. В пользу этого говорят и другие факты. Если не позднее рубежа XV–XVI вв. её предстоятель – по сути, второй московский архиерей – *de facto* стал ближайшим помощником первосвятителя в деле управления обширной Митрополичьей обlastью², то в 1589 г. его статус был формализован. Наряду с новгородским, казанским и ростовским архиереями крутицкий владыка стал митрополитом, заняв пятое место в церковной иерархии после них и патриарха.

Обратим внимание на ещё один очевидный факт. В силу особого значения крутицкого владыки на протяжении всего XVI в. первосвятитель, как правило, ставил его «под себя». Чаще всего речь шла о представителе той внутрицерковной группы, к которой он сам принадлежал. Неудивительно, что в период усиления позиций Троице-Сергиева монастыря на рубеже XV–XVI вв. поставленный из его настоятелей на митрополию Симон (1495–1511) на Крутицкую кафедру выдвинул других выходцев из Троицы – Евфимия (1496–1499) и Досифея Забелу (1508–1544). В период «волоколамской гегемонии» в 1520–1570-х гг. с некоторыми перерывами её занимали четыре выходца из Иосифо-Волоколамского монастыря: Савва Чёрный (1544–1554), Нифонт (Кормилицын; 1554–1558), Галактион (1565–1568) и Симеон (1581–1582). «Новгородец» Дионисий, став митрополитом в 1581 г., два года спустя поставил на неё также, по-видимому, происходившего с территории Новгородской земли (из захудалой старшей ветви рода Пушкиных) Варлаама³.

Несколько не умаляя значения приведённых фактов, отмечу, что гипотеза о покровительстве патриарха Иова как главной причине возвышения Геласия упрощает церковно-административную действительность. Были и иные факторы, которые независимо от конкретных персон играли определяющую роль в процессе формирования церковной элиты на протяжении всего рассматриваемого периода. Выявляя их, следует обратить внимание на общеизвестный факт: как правило, архиереями становились настоятели значимых монастырей. В конце XV – начале XVII в. на Крутицкую кафедру ставили настоятелей Кирилло-Белозерского (Матвей, 1559–1564), Троице-Сергиева (Досифей Забела, 1508–1544), московских Богоявленского (Трифон, 1499–1507), Новоспасского (Нифонт (Кормилицын), Галактион), Симонова (Савва Чёрный) и Чудова (Пафнутий, 1605–1611) монастырей⁴. Проживавшие в Москве настоятели, хорошо знакомые с представителями церковной и светской элит, располагали соответствующим «административным» опытом и внутрицерковным «весом». Есть основания полагать, что Геласий исключением из этого правила не являлся.

Обратим внимание на архимандритов Симонова монастыря. П.М. Строев привёл следующую последовательность его настоятелей: Иосиф (1584–1586), Тихон (1588–1593)⁵. Фиксируется лакуна – 1586–1588 гг., которую позволя-.

² Особое положение крутицкого владыки, в частности, фиксирует 68-я глава Стоглава, отмечая: «А в которое время митрополиту не поможетца, и он в свое место повелевает судити архимандритов, и игуменов, и игуменей, и протопопов, и весь священнический и иноческий чин в духовных делах Сарскому и Подонскому владыце со всеми архимандриты и игумены соборне по тем же священным правилом» (Емченко Е.Б. Стоглав: исследование и текст. М., 2000. С. 360).

³ Усачёв А.С. Патриарх Иов и русские архиереи последней четверти XVI – начала XVII в. // Российская история. 2023. № 4. С. 45–46, 52.

⁴ Следует отметить, что далеко не все ставшие крутицкими владыками настоятели приняли постриг в соответствующих монастырях.

⁵ Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 150–151.

ет заполнить вкладная книга Симонова монастыря. В ней сообщается, что И.П. Татищев «дал 94-го году при бывшем архимарите Иосифе и при всей братии пятьдесят рублей, да в прошлом девяносто пятом году при архимарите Геласии⁶. Первый вклад дан в 1585/86 г., а второй в 1586/87 г. Следующий настоятель – Тихон – фиксируется под 1587/88 г.⁷ Таким образом, упоминание Геласия Симоновского хорошо сочетается с упоминаниями Геласия Крутицкого. Как видим, Геласий возглавлял монастырь недолго – от нескольких месяцев до года, – вероятно, «набирай» необходимый для поставления на значимую кафедру церковно-административный «вес».

Поставление Геласия на Крутицкую кафедру состоялось, по выражению Строева, «на исходе» 1586 г.⁸ Уточняя дату, обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, предшественник Геласия – Варлаам (Пушкин) – с кафедры был устраниён в период, близкий к 13 октября 1586 г. Этим числом датируется смещение с Всероссийской кафедры покровителя Варлаама – митрополита Дионисия после поражения в борьбе с Годуновыми поддерживавших его князей Шуйских. Во-вторых, близкий к ним Иов стал митрополитом 11 декабря⁹. Трудно сомневаться, что прочие хиротонии совершились уже новым перво-святителем. Учитывая, что крутицкий владыка управлял Митрополичьей областью, можно полагать, что с замещением этой кафедры не тянули. Очевидно, Геласий занял её вскоре после поставления Иова, т.е. в середине – второй половине декабря.

Нетрудно заметить хронологическое совпадение прекращения сведений о Геласии Симоновском с началом упоминаний в источниках Геласия Крутицкого. Есть основания полагать, что речь шла об одном лице. Помимо традиции ставить на Крутицкую кафедру настоятелей значимых столичных обителей обратим внимание на вклад – «ширинька миткалинна, шита золотом да серебром, накищивана золотом» – Геласия Крутицкого в Симонов монастырь. Он был сделан незадолго до его кончины (26 сентября 1601 г.¹⁰) – 31 августа 1601 г.¹¹

Очевидно, что для поставления в настоятели одного из главных монастырей Москвы и тем более на Крутицкую кафедру вне зависимости от наличия или отсутствия связи с патриархом Иовом Геласию требовался определённый иноческий «стаж» и соответствующий уровень подготовки¹². Где он получил то и другое¹³? Поскольку в перечнях соборных старцев (именно из них, как пра-

⁶ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Публ. А.И. Алексеева // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 48. Публикатор рассматривал Геласия Симоновского и Геласия Крутицкого как разных лиц (Там же. С. 133–134).

⁷ Там же. С. 48.

⁸ Строев П.М. Указ. соч. Стб. 1035.

⁹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее – СГГиД). Ч. 2. М., 1819. № 82. С. 179.

¹⁰ Сведения о дате кончины иерарха содержит поздняя копия записи об этом событии (Беркович В.А., Егоров К.А. Белокаменные надгробия и саркофаги Крутицкого подворья. Каталог. М., 2021. С. 67 (КП-8)).

¹¹ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. С. 46.

¹² Об основных критериях отбора руководителей Русской Церкви в рассматриваемый период подробнее см.: *Usachev A.S. Principles of Staffing the Church Elite in Russia in the 16th Century: The Episcopate // Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 92. 2022. Suppl. 10. P. S991–S998.*

¹³ Ранее я допускал, что он мог являться выходцем из Симонова монастыря (*Усачёв А.С. Патриарх Иов... С. 43–44*). В свете новых данных очевидно, что это предположение ошибочно.

вило, избирали настоятелей) Симонова монастыря в его сравнительно неплохо сохранившихся актах имени Геласия нет, можно полагать, что его поставили в архимандриты из какого-то иного монастыря¹⁴.

В литературе давно известен вклад Геласия, вероятно, относящийся к 1599 г., — серебряное кадило (ныне хранится во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике) — в сузальский Спасо-Евфимьев монастырь по себе и по родителям¹⁵. Однако неучтённые в науке данные ряда источников указывают, что связь Геласия с обителью этим вкладом не исчерпывалась.

Обращает на себя внимание запись на рукописном Евангелии. Его 1 апреля 1601 г. Геласий дал вкладом в сузальский женский Александровский монастырь («в пречистную обитель Великого Христова страстотерпца Александра в церковь на престол») «по своей душе и по своих родителях». Вкладчик приводит сведения о себе: «Аз заблудша овча стада пречестныя обители Всемилостивейшаго Спаса и Боголепнаго Его Преображения и преподобнаго отца нашего архимандрита Евфимия, Суждальскаго чудотворца, и постриженъе и благословение приях от руки отца архимандрита Иева, потом бысть в Суждале епископ, тож и архиепископ»¹⁶. Из текста следует, что Геласий являлся постриженником Спасо-Евфимьевы монастыря в бытность Иова его настоятелем.

Рассмотрим последовательность настоятелей Спасо-Евфимьевы монастыря. После того как архимандрит Савватий 17 мая 1570 г. был поставлен на Коломенскую кафедру¹⁷, обитель возглавил Геннадий. В этой роли он фиксируется в актах 1570/71 и 23 марта 1571 г.¹⁸ Имя его есть и в перечне участников Собора 1571 г., которые поручились за кн. И.Ф. Мстиславского¹⁹ (поручная

¹⁴ В.В. Косаткин предположил, что Геласий Крутицкий мог составить службу Косме Яхренскому (Яхромскому): текст составлен неким «смиренным Геласием» (Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия: краткие исторические сведения с приложением описей сохраняющихся в них древних предметов. Ч. 1. Владимир, 1906. С. 113). Учитывая отсутствие конкретных сведений на этот счёт, как и упоминаний Космина Яхренского Успенского монастыря в духовной крутицкого владыки (в ней отмечены многие обители), данную догадку едва ли можно принять.

¹⁵ Владимирский сборник. М., 1857. С. 52; Сарайская и Крутицкая епархия... С. 62; Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии... С. 45; Ушаков Н.Н. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913. С. 201, 203–204.

¹⁶ Борисов В.А. Указ. соч. Т. 3. С. 140–141. В 1855 г. книга хранилась у почётной гражданки г. Шуи Носовой, в начале XX в. — в шуйской Покровской церкви. Нетрудно заметить, что данный фрагмент создавался в соответствии с определённой традицией описания связи вкладчика с той или иной обителью и наставником. Например, инок Артемий в записи переписанного им в Порфириевои пустыни «Сборника поучений Василия Великого» (1542/43 г.) использовал те же выражения («Аз вашего же стада заблуждьшее овча и пострижение приях от руки отца Корнилия»). Аналогичные выражения в записях вложенных им во владимирский Рождественский монастырь в 1590-х гг. книг использовал и вологодский архиепископ Иона (Думин) («Аз вашего стада заблуждьшее овча, и пострижение приях от руки отца архимарита Захарии, потом бысть во Тфери епископ, также и архиепископ») (Сергеев А.Г. Библиотека Корнильево-Комельского монастыря: проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 482; Усацёв А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018. С. 348–349; Т. 2. № 302, 637, 640, 642, 644, 650–653. С. 172, 353, 355–356, 358, 361–363).

¹⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892. С. 658.

¹⁸ Акты Сузальского Спасо-Евфимьевы монастыря, 1506–1608 гг. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1998. № 160–164. С. 317–322.

¹⁹ СГГИД. Ч. 1. М., 1813. № 196. С. 564–565.

светских лиц по нему датируется между 24 мая и 31 августа 1571 г.²⁰; как правило, поручные светских и духовных лиц составлялись примерно в одно время). Вероятно, вскоре после лета 1571 г. Геннадий перестал быть архимандритом (возможно, он скончался во время мора, в том году опустошившего центр страны). В некоторых актах 1571/72 г. упоминаются лишь старцы монастыря без настоятеля²¹, в ряде других, относящихся к тому же году, фигурирует уже архимандрит Иов²². Первое его точно датированное упоминание в роли настоятеля относится к 10 августа 1572 г.²³ Таким образом, Иов возглавил обитель между летом 1571 г. и 10 августа 1572 г.

Из архимандритов Спасо-Евфимьевы монастыря Иова поставили на Суздальскую кафедру. Точная дата этого события неизвестна. Его предшественник – Варлаам – покинул кафедру между 20 июня 1584 г. (этим временем датируется последнее известное его упоминание в качестве действующего епископа)²⁴ и 13 сентября 1584 г. (когда для описания «казны» «бывшего суздальского владыки Варлаама» и её «бережения» до прибытия нового епископа в Суздаль послали Ю.И. Плещеева). Судя по явочной челобитной бывшего казначея Варлаама Гаврилы Иванова сына Ярышкина, 1 ноября 1584 г. его преемник ещё не был поставлен²⁵. Это хорошо сочетается с упоминанием Иова в роли спасского архимандрита до 15 мая 1585 г.²⁶ Видимо, Суздальская кафедра оставалась незамещённой и год спустя: 25 августа 1585 г. игуменья Покровского монастыря в челобитной просила в случае смерти вдовы царевича Ивана Ивановича прислать на её похороны крутицкого владыку²⁷ (отпевание этой статусной персоны требовало присутствия архиерея). Исходя из того, что Иов упоминается как епископ под 25 ноября 1585 г.²⁸, можно думать, что он был поставлен на осеннем Соборе 1585 г. (вероятно, около 11 октября)²⁹. Его преемник в роли настоятеля – Левкий – возглавил Спасо-Евфимьев монастырь до 31 декабря того же года³⁰. Таким образом, Геласий принял постриг не ранее конца лета 1571–10 августа 1572 г. и не позднее осени 1585 г. Позже,

²⁰ Антонов А.В. Поручные записи 1527–1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. № 17. С. 64–65.

²¹ Акты Суздальского Спасо-Евфимьевы монастыря... № 165, 166, 169, 170. С. 322–323, 328–329.

²² Так, в том же году он именно в качестве спасского архимандрита делает вклад – образ св. мч. Александра – в женский суздальский Александровский монастырь (Владимирский сборник... С. 46). Не забывал Иов эту обитель и позднее – в составленной в последние годы жизни духовной грамоте упомянуты его дары Александровскому монастырю по себе «да по старице иноке Анне» (вероятно, его родственнице) (Акты Суздальского Спасо-Евфимьевы монастыря... № 241. С. 452).

²³ Акты Суздальского Спасо-Евфимьевы монастыря... № 167, 168, 171, 174. С. 325–327, 331–332, 335.

²⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. № 200. С. 368.

²⁵ Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. М., 2019. № 128. С. 151.

²⁶ Акты Суздальского Спасо-Евфимьевы монастыря... № 212. С. 385–389.

²⁷ Акты Покровского суздальского девичьего монастыря... № 141. С. 162–163.

²⁸ Маштафаров А.В. Суздальский владычный дом в документах XVI – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. № 11. С. 88.

²⁹ В этот день на Вологодскую кафедру поставили игумена Герасимова Болдина Троицкого монастыря Антония (Усачёв А.С. Вологодский епископ Антоний и Русская Церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 144).

³⁰ Акты Суздальского Спасо-Евфимьевы монастыря... № 222. С. 409–410.

он стал настоятелем Симонова монастыря, а вскоре и крутицким владыкой. Однако среди соборных старцев Спасо-Евфимьевы монастыря имени Геласия нет³¹. Видимо, его статус в обители был не слишком высок. Это даёт основания полагать, что необходимый опыт (во всяком случае, «административный») Геласий получил не здесь.

Ряд фактов биографии Геласия позволяет прояснить ранее не привлекавшую внимание исследователей его духовная грамота, датируемая 1600/01 г.³² В ней не упоминаются Евангелие, вложенное в Александровскую обитель 1 апреля 1601 г., а также имущество, данное им в Симонов монастырь 31 августа 1601 г. Это побуждает думать, что духовная составлена в сентябре 1601 г., т.е. в последние недели или даже дни жизни святителя. В источнике приводятся имена родителей Геласия — «священноинока» Корнилия и Ирины. На помин их душ, а также своей, Геласий в 1593/94 г. дал крупный вклад в сузdalский Спасо-Евфимьев монастырь — 200 руб. Позднее на кровлю из «немецкого железа» он добавил ещё 126 руб.³³ Этот небольшой фрагмент позволяет предположить светское имя Геласия: за вклад братии следовало установить два поминания — на «преставление» и, как отмечает вкладчик, «на мою память ноября в двадцать третий день, иже во святых отца нашего Григорья, епископа Акраганского» (очевидно, его небесного покровителя). Соответственно, скорее всего, крестильное имя Геласия — Григорий.

Среди соборных старцев Спасо-Евфимьевы монастыря под 23 марта 1571 г. упомянут «священник Корнилий» (на седьмом месте среди иноков обители)³⁴. Под 1574/75 г. фигурирует «чернец Корнилишко»³⁵, но одно это лицо или нет, неясно. По крайней мере, в первом случае можно предположить, что речь идёт именно об отце Геласия, учитывая совпадение сана и не самого распространённого иноческого имени. Судя по отсутствию последующих упоминаний, вероятно, к середине 1570-х гг. он либо умер, либо в связи со старостью и немощью отшёл от активной деятельности. Его супруга скончалась ранее, не успев принять постриг. Это могло произойти во время одной из волн мора на рубеже 1560—1570-х гг.

Видимо, вскоре Геласий покинул Спасо-Евфимьев монастырь и занял более высокое положение в какой-либо иной обители, где приобрёл административный опыт. В пользу данного предположения свидетельствует, во-первых, то, что в 1586 г. он стал настоятелем второго по значению (после Новоспасского) столичного Симонова монастыря. «Случайные» люди его не возглавляли. Во-вторых, обратим внимание на перечень церквей и обителей, которым предназначалось упомянутое в духовной имущество Геласия (см. табл.).

³¹ Учитывая, что постриг Геласий принял при архимандрите Иове, «уставщика Геласию», который упоминается среди соборных старцев обители между Геннадием и Иовом (в 1571/72 г.), едва ли можно рассматривать как Геласия Крутицкого (Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевы монастыря... № 165, 169, 170. С. 322, 328, 330).

³² ОР РНБ, ф. 299, № 148. Единственное известное нам упоминание данного источника см.: Каталог древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей Российской государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Вып. 1—2. 1269—1612 гг. / Сост. Г.П. Енин. СПб., 1992. № 433. С. 145.

³³ ОР РНБ, ф. 299, № 148; Усачёв А.С. Духовная грамота крутицкого митрополита Геласия (1601 г.) // Вестник архивиста. 2025. № 2 (в печати).

³⁴ Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевы монастыря... № 164. С. 321.

³⁵ Там же. № 188. С. 352.

Таблица

Вклады Геласия, митрополита Крутицкого, по его духовной грамоте^{*}

Место расположения	Адресат вклада	Размер вкладов
Суздаль	Спасо-Евфимьев монастырь	Более 326 руб., серебряная посуда, серебряный крест, иконы с серебряными окладами, «с каменьем» и с «жемчугом», перец
	Монастырь Василия Великого	2 руб.
	Покровский женский монастырь	10 руб.
	Александровский женский монастырь	2 руб., 12 миней
	Борисоглебский монастырь	2 руб.
	Ризоположенский женский монастырь	2 руб.
	Троицкий женский монастырь	2 руб.
	Дмитриевский монастырь	2 руб.
	Рождественский собор	10 руб.
	20 церквей на посаде	по 1–1,5 руб.
Село Кибергино	Иоанно-Предтеченский монастырь	2 руб.
На реке Куксе	Спасский монастырь	2 руб.
	Покровский женский монастырь	1,5 руб.
Городец	Никольский женский монастырь	3 руб.
Село Покровское	Церковь Апостола Андрея	2 руб.
Село Бородино	Никольская церковь	1,5 руб.
Шuya	Никольский Шартомский монастырь	Обложенный серебром образ Николы Чудотворца, 12 руб.
	Введенский женский монастырь	1,5 руб.
	Никольская церковь села Чернцы	1 руб.
	Пятницкая церковь села Пупки	1 руб.
	Воскресенская церковь села Калачево	1 руб.

Составлено по: ОР РНБ, ф. 299, № 148.

* Данные о вкладах приводятся без учёта денег, которые раздавались «по рукам» инокам или клирикам. Также не приводятся сведения о подарках, персонально полученных душеприказчиками Геласия (большинство из них – наследники Спасо-Евфимьевы монастыря).

Нетрудно заметить, что почти все отмеченные церкви и монастыри располагались на территории Суздальской епархии. Львиная доля имущества Геласия предназначалась церквам и монастырям (прежде всего, конечно, Спасо-Евфимьеву) непосредственно Суздаля. Среди обителей, расположенных за его пределами, по размеру вкладов выделяются шуйские Никольский Шартомский (сёла Пупки, Калачёво и Чернцы входили в состав его владений)³⁶ и женский

³⁶ Бутрин Е. С. Вотчины Николо-Шартомского монастыря в XV–XVII вв. // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. Научные труды

Введенский монастыри. Обратим внимание на ещё один немаловажный факт: среди фигурирующих в духовной грамоте обителей до её составления лишь три монастыря получали от Геласия вклады ранее – суздальские Спасо-Евфимьев (деньги, конь и церковная утварь на общую сумму более 374 руб., 1583/84–1599 гг.) и женский Александровский (Евангелие, 1601 г.), а также шуйский Никольский Шартомский (время, характер и размер вкладов неизвестны). Особое внимание Геласия к *alma mater* объяснимо. Вклады книгами в Александровский монастырь тоже в целом понятны. Помимо 2 руб. туда был вложен полный комплект миней, а также несколько ранее Евангелие. Стоимость «стандартных» книг (о каких-либо особых украшениях вложенных Геласием кодексов источники не сообщают) в XVI в. составляла от 2–3 десятков алтын до 2–3 руб., следовательно, общую сумму вкладов в данную обитель можно оценить в 30–40 руб.

Таким образом, по своим размерам вклады в Александровский монастырь превышали вклады во все прочие монастыри за исключением Спасо-Евфимьева. В женской обители по объективным причинам проживать Геласий не мог. Особая близость именно к этой обители могла быть обусловлена постригом в ней его родственницы (родственниц) или тем, что он до пострига мог служить в одной из её церквей. То, что в качестве вкладов Геласий давал книги из своей келейной библиотеки, могло быть связано и с иными обстоятельствами. Судя по всему, не порывавший связи с Суздалем в московский период иерарх хорошо представлял себе состояние его обителей. Очевидно, библиотека Александровского монастыря испытывала недостаток в книгах. Одной из причин этого мог быть пожар, и Геласий об этом знал. Случай, когда монастырские власти стремились пополнить пострадавшие в результате пожаров книжные собрания, не были редкостью. Так, архимандрит московского Новоспасского монастыря Нифонт (Кормилицын) после того, как монастырская библиотека серьёзно пострадала в ходе пожара 1547 г., в 1550 г. получил от царя несколько миней³⁷.

Повышенный интерес Геласия к шуйскому Никольскому Шартомскому монастырю требует пояснения. В рамках Суздальской епархии в XVI в. статус этой сравнительно небольшой и небогатой обители³⁸ был достаточно высок³⁹. Её настоятелем являлся архимандрит⁴⁰. Кроме того, появившийся не позднее первой четверти XV в. монастырь был тесно связан с потомками суздальских князей – прежде всего с Шуйскими, неоднократно делавшими в него вклады.

участников межрегиональной научной конференции, к 110-летию со дня рождения П.Н. Третьякова, Кострома, 4 декабря 2019 г. Кострома, 2019. С. 105, 107, 108.

³⁷ Адрианова-Перетц В.П. Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI–XVIII вв. СПб., 1912; Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 2. М., 2014. С. 103; Усачёв А.С. Книгописание в России... Т. 1. С. 130, 438–439.

³⁸ Размер земельных владений монастыря существенно увеличился лишь к середине XVII в. Подробнее об этом см.: Бутрин Е.С. Вотчины Николо-Шартомского монастыря... С. 102–110; Бутрин Е.С. Вотчинное хозяйство Николо-Шартомского монастыря в XVII веке // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 3(19). С. 61–76.

³⁹ Обзор немногочисленных источников по истории обители см.: Бутрин Е.С., Захаров С.Ю. Документы Николо-Шартомского монастыря: утраченный архив XVII–XIX вв. и его реконструкция // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 50–60.

⁴⁰ Об этом подробнее см.: Давиденко Д.Г. Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV–XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 297.

По духовной грамоте кн. М. В. Горбатого (1534/35) обитель получила 10 руб.⁴¹ Его вдова княгиня Анна 20 февраля 1553 г. сделала вклад в 20 руб.⁴², а княгиня М. В. Ряполовская, вдова кн. И. Б. Горбатого, 25 января 1551 г. завещала Шартомскому монастырю владения на территории волости Юмхна Юрьевского уезда, попросив похоронить её в обители подле скончавшегося ранее супруга⁴³, поскольку здесь «изстарины все их прародители» погребались⁴⁴. Судя по записям в монастырских синодиках, вклады сюда в XV–XVII вв. делали и представители других значимых родов – князья Гундоровы, Палецкие, Пенинские-Оболенские, Пожарские, Пронские, Хованские⁴⁵, а также церковные иерархи. Так, сузdalский архиерей Арсений Элассонский в 1619 г. вложил в Шартомский монастырь книгу⁴⁶.

Обратим внимание на исключительно интересный факт. Под 1577/78 г. в этой обители фигурирует архимандрит с именем Геласий⁴⁷. Если это действительно Геласий Крутицкий, то получается, что, приняв постриг в 1570-х гг., он некоторое время возглавлял самую значительную шуйскую обитель. В пользу предположения о тождественности этих лиц говорит, во-первых, проявляемый на протяжении очень длительного времени интерес Геласия к Шартомскому монастырю (эта связь явно установилась ещё до появления Геласия в Москве, т.е. до 1586 г.). Во-вторых, имя Геласий в русском иноческом именослове встречается нечасто. Среди примерно 120 русских архиереев XVI в. его носил лишь крутицкий владыка. Кроме того, как уже упоминалось, в 1583/84 г. Геласий дал вкладом в сузdalский Спасо-Евфимьев монастырь коня стоимостью 10 руб. Размер этого вклада соответствовал финансовым возможностям представителя белого духовенства, небогатого служилого человека, зажиточного крестьянина или настоятеля среднего по размерам монастыря⁴⁸. Возможно, данный вклад был сделан Геласием в период управления им Никольским Шартомским монастырём.

В духовных грамотах, как правило, фиксировались лица, с которыми их составитель поддерживал тесную личную связь долгие годы. В завещании Геласия за исключением, возможно, его духовника Иосифа (место его пострига неизвестно)⁴⁹ нет никого, кто не был бы связан с Сузdalской епархией. В источнике лишь вскользь упомянут патриарх Иов – в перечне душеприказчиков или получателей подарков Геласия его имени нет. Душеприказчиками же выступают «сузальцы»: Левкий, в роли старца, казначея и архимандрит-

⁴¹ Акты Сузdalского Спасо-Евфимьева монастыря... № 35. С. 92.

⁴² Акты Покровского сузdalского девичьего монастыря... № 36. С. 57.

⁴³ Лихачёв Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. 1. СПб., 1895. № VII. С. 22–23.

⁴⁴ Цит. по: Бутрин Е. С. Вотчины Николо-Шартомского монастыря... С. 106.

⁴⁵ Борисов В. А. Собрание трудов и материалов. Т. 1. Иваново, 2002. С. 129–130.

⁴⁶ Недеев С. И. Краткое описание рукописей церковно-исторического древлехраннища при братстве святого благоверного великого князя Александра Невского. Вып. 1. Владимир, 1906. С. 16.

⁴⁷ Бутрин Е. С. Вотчины Николо-Шартомского монастыря... С. 107.

⁴⁸ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII веков. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси. Пермь, 1927. С. 213; Dykstra T. E. Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. München, 2006. P. 127.

⁴⁹ Среди соборных старцев Симонова монастыря под 1605 г. упоминается священник Иосиф (Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983. № 229. С. 275). Возможно, это духовник Геласия. Если предположение верно, то Иосиф мог быть едва ли не единственным лично близким к крутицкому митрополиту «москвичом».

та упоминаемый с 1574/75 по 1604 г. (архимандритом он перестал быть до 30 июня 1606 г.)⁵⁰; келарь Филарет (Хвостов), фигурирующий в документах Спасо-Евфимьева монастыря в 1587–1599 гг.⁵¹; Мартиниан (Мартемьян) (Кастиев) – старец и казначей с 1574/75 г. по 29 июля 1602 г.⁵²; чёрный священник Порфирий (Перфирий) (Таратурин), упоминается также в составленной вскоре (до 29 июля 1602 г.) духовной грамоте Мартиниана (Кастиева)⁵³. Видимо, в Суздальской епархии (возможно, в одной из монастырских церквей Суздаля) служил чёрный священник Пётр Тимофеев сын. Он, согласно духовной грамоте Геласия, в случае ухода в Спасо-Евфимьев монастырь должен был получить третью его келью.

Состав лиц, упоминаемых в данном источнике, хорошо сочетается с географией вкладов Геласия. Они не включают в себя ни московские (за исключением Симонова монастыря, которым он некоторое время управлял), ни белозерские, ни поморские, ни какие-либо иные обители, выходящие за рамки Суздальской епархии. Обращает на себя внимание большое число женских монастырей, которым предназначались вклады. Личный интерес архиерея к прочим обителям не фиксируется. Это может свидетельствовать, что Геласий не только принял постриг в главном сузальском монастыре, но и происходил из Суздальской земли, где длительное время жили его родственники. Судя по факту покупки кельи у монастырских властей за 30 руб.⁵⁴, Геласий, следуя примеру своего наставника сузальского архиепископа Иова⁵⁵, в случае наступления немощи планировал покинуть Крутицкую кафедру и доживать век в *alma mater*.

Возможно, именно сузальское происхождение сыграло ключевую роль в крепкой связи спасского архимандрита, а затем архиерея Иова и Геласия. Судя по духовной грамоте Иова, круг его личных связей также ограничивался пределами Суздальской епархии⁵⁶. Не исключено, что принявшего постриг в зрелом возрасте Геласия Иов знал ранее. Если это действительно так, то связь, обеспечившая весьма успешную церковно-административную карьеру крутицкого владыки, установилась ещё до того, как он принял монашеский сан⁵⁷.

⁵⁰ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря... № 188, 193, 261, 262. С. 351, 358, 491–495.

⁵¹ Там же. № 233, 234, 236, 244, 255. С. 439–442, 445–446, 460–462, 464, 480–481.

⁵² Там же. № 188, 259. С. 351, 485–489.

⁵³ Там же. № 259. С. 485–489.

⁵⁴ Судя по цене кельи, её размер был значителен. Как правило, место в келье (чаще всего её занимали два–три инока) стоило 1–5 руб., лишь изредка доходя до 10 руб. (Алексеев А.И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4(19/20). С. 36, 41, 44–45, 49, 52, 55, 59, 62; Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря... С. 60; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М.; СПб., 2013. С. 45, 49, 57–58, 62).

⁵⁵ Иов ещё в 1587 г. купил у Спасо-Евфимьева монастыря за 300 руб. «сельцо Антилохово з деревнями». Им он планировал «владети по свой живот» (Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря... № 233. С. 439–441). В этой обители покинувший кафедру Иов и скончался в 1594 г.

⁵⁶ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря... № 241. С. 450–454. Основные получатели имущества Иова (Рождественский собор Суздаля, Спасо-Евфимьев, женские Покровский и Александровский монастыри) совпадают с соответствующим перечнем Геласия. В обеих духовных грамотах душеприказчиками видим архимандрита Левкия и старца Мартиниана (Кастиева).

⁵⁷ Возможно, эта связь объясняет обстоятельства появления в библиотеке Спасо-Евфимьева монастыря значимого памятника книжной культуры. В XVI в. в ней хранилась дошедшая в составе рукописных книг Владимиро-Суздальского музея-заповедника рукопись 1520-х гг., содержащая список Кормчей книги редакции Вассиана (Патрикеева). По её листам читается запись о том, что она была «дана по преосвященном архиепископе Иове Суждальском и Торуском»

Если отождествление Геласия Шартомского и Геласия Крутицкого справедливо, придётся признать, что он возглавил значимый монастырь епархии, имея сравнительно небольшой (вероятно, несколько лет) иноческий «стаж». Как это соотносится с распространённой в эпоху Средневековья практикой многолетней подготовки будущих руководителей Русской Церкви⁵⁸?

Как уже упоминалось, отец Геласия «священноинок» Корнилий был чёрным священником и, судя по всему, в первой половине 1570-х гг. жил в Спасо-Евфимьевом монастыре. Скорее всего, его постриг состоялся не ранее достижения сыном Григорием дееспособности. Косвенно на принадлежность Корнилия к белому духовенству указывает и его наиболее вероятное светское имя – Киприан (память ему была установлена 2 октября), которое не было широко распространено за пределами духовной среды⁵⁹. Это в свою очередь позволяет предположить, что отец Геласия также родился в семье священника. Статус сына в миру точно неизвестен, но можно полагать, что он наследовал статус отца. Стремительную церковную карьеру порой делали лица, имевшие весьма скромный иноческий «стаж» (от одного до нескольких лет), но, как правило, лишь если речь шла о выходцах из духовной среды. Значительную часть знаний (текстов Св. Писания, основ богослужения и др.) они получали ещё в миру. Это создавало благоприятные условия для восхождения священнослужителей по ступеням церковной иерархии, выгодно отличая их от выходцев из иных социальных слоёв⁶⁰. Если Геласий действительно происходил из духовенства, то можно полагать, что в 1570-х гг., принимая постриг, он находился в уже зрелом по меркам эпохи возрасте. Он возглавил монастырь не позднее 1577/78 г., а ранее 40 лет это, как правило, не практиковалось⁶¹, следовательно, родиться должен был не позднее 1530-х гг. Скончался же он в 1601 г. явно в очень преклонном возрасте, от естественных причин, успев составить духовную.

Наставник Геласия Иов так или иначе принимал участие в его судьбе. На это указывают следующие факты. Геласий возглавил московский Симонов монастырь в 1586 г. Примерно в это же время – осенью (вероятно, в октябре)

(о манускрипте подробнее см.: *Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. Т. 2. М.; СПб., 2017. С. 195–196*). Судя по тому, что Кормчая в духовной Иова не фигурирует (в ней, правда, упомянуты некие «книги» из его личных вещей, см.: *Акты Суздальского Спасо-Евфимьевого монастыря... № 241. С. 453*), можно предположить, что она была дана не им лично, а по его душе кем-то другим. Возможно, этим человеком являлся Геласий, имевший доступ к лучшим библиотекам столицы, в первую очередь к патриаршой, в которой, по-видимому, хранились списки Кормчей. Вклады списков Кормчих русскими архиереями в «свои» монастыри в рассматриваемый период были достаточно распространённой практикой (об этом см.: *Белякова Е. В. К вопросу о статусе епископата в Русской Церкви XVI в. // Российская история. 2021. № 5. С. 25–26*).

⁵⁸ Как правило, она составляла не менее двух десятилетий (*Усачёв А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской Церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 105–109; Usachev A.S. Principles... Р. S996–S998*).

⁵⁹ Например, среди многих тысяч представителей военно-служилого слоя важнейшие источники по его истории (акты, Тысячная книга и Дворовая тетрадь) лиц с таким именем не фиксируют (см.: *Wyjtowicz M. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.: Северо-Восточная Русь. Poznań, 1986. С. 21–22; Кобрин В. Б. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимия: избранные труды. М., 2008. С. 174–178*). Это, конечно, не означает, что Киприанов в этой среде не было совсем, но очевидно, что данное имя встречалось крайне редко.

⁶⁰ *Usachev A.S. Principles... Р. S994–S998*.

⁶¹ *Усачёв А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония»... С. 108–109*.

1585 г. Иов занял Сузdalскую кафедру. Едва ли такое совпадение случайно. К тому же Геласий не поддерживал контакты с иными представителями церковной или светской элиты. Источники не фиксируют его близость к князьям Шуйским, главным ктиторам сузальских обителей. Скорее наоборот, после их поражения в борьбе с Годуновыми и смещения поддержавших их митрополита Дионисия и крутицкого епископа Варлаама (Пушкина) в октябре 1586 г. в конце того же года Геласий занял Крутицкую кафедру. Следовательно, его карьерный взлёт чем-то иным, кроме ходатайства сузальского владыки, объяснить трудно. Очевидно, в этом Иов был не одинок. Другие архиереи тоже способствовали появлению в столице представителей своих епархий. Вероятно, нечто подобное имело место и в случае с преемником Геласия на Крутицкой кафедре Пафнутием. Выходец из вологодского Павлова Обнорского монастыря, он возглавил столичный Чудов монастырь в период пребывания на Вологодской кафедре Ионы (Думина)⁶².

Противником Годуновых и Иова Геласий, конечно, не был, но и переоценивать его близость к ним не стоит. Скорее всего, Иов предпочёл поставить на близкую к Всероссийской Крутицкой кафедру выходца из древней и поченной, но не слишком влиятельной обители. Основанный в третьей четверти XIV в. Спасо-Евфимьев монастырь являлся ровесником Троице-Сергиева, а общерусское почитание его основателя — прп. Евфимия — было установлено не позднее 1549 г. При этом Евфимьев монастырь был включён в церковную иерархию сравнительно поздно: в «Лествице» Макария (около 1563 г.) он занимает сравнительно невысокое (22-е) место. Первое упоминание спасского настоятеля в перечне участников Освященного собора относится к 1571 г.⁶³ До Геласия в XVI в. из стен Спасо-Евфимьевского монастыря вышли три архиерея — ростовский Кирилл, коломенский Савватий и сузальский Иов, в то время как из Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей — не менее 13, 11 и 18 соответственно. Геласий не был связан с ключевыми внутрицерковными группами (Троицкой, Кирилло-Белозерской и Иосифо-Волоколамской), а его покровитель Иов, с одной стороны, тоже не принадлежал ни к одной из них, с другой — представители этих групп долгие годы поддерживали близкие отношения с противниками Годуновых.

Итак, представим основные предполагаемые вехи жизни Геласия и факторы, способствовавшие его духовной карьере. Родившийся, видимо, не позднее 1530-х гг. на территории Сузальского уезда, будущий архиерей происходил из духовной среды. В первой половине — середине 1570-х гг. в зрелом возрасте, возможно, овдовев, вслед за отцом он удалился в Спасо-Евфимьев монастырь, где принял постриг от архимандрита Иова, которого, может быть, знал ещё в миру. Не позднее 1577/78 г., вероятно, при поддержке наставника, он возглавил шуйский Никольский Шартомский монастырь. Вскоре после поставления Иова на Сузальскую кафедру Геласий в 1586 г. непродолжительное время был архимандритом московского Симонова монастыря, а затем занял Крутицкую кафедру. Его поставление можно рассматривать как первый шаг митрополита Иова на пути ослабления позиций традиционных «кузниц» архиереев XV—XVI вв. — в первую очередь Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского мона-

⁶² Усачёв А.С. Книгописание в России... Т. 1. С. 346–347.

⁶³ СГГиД. Ч. 1. № 196. С. 564–565; Алексеев А.И. «Лествица духовных властей» митрополита Макария // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 38. СПб., 2019. С. 259.

стырей, долгие годы связанных с противниками Годуновых. Не желая усиления значимых внутрицерковных групп, не принадлежавший ни к одной из них Иов предпочёл на самую близкую к нему кафедру поставить выходца из древнего, но не слишком влиятельного монастыря⁶⁴.

Возможно, на выбор Иова повлияли и ярко выраженные местные интересы Геласия, а также отсутствие у него тесных контактов с представителями столичной элиты. На протяжении почти 15-летнего московского периода жизни Геласий поддерживал самые близкие отношения со Спасо-Евфимьевым монастырём, планируя уход в него в случае наступления немощи. Мысли иерарха, длительное время проживавшего в Москве и помогавшего патриарху Иову в управлении Русской Церковью, до самой кончины были устремлены на его «малую родину». В этом, впрочем, он оказался не одинок. «Владимирцы» рязанский епископ Иона (1522–1547) и вологодский архиепископ (1588–1603), а затем ростовский митрополит (1603–1605) Иона (Думин) на протяжении всей жизни также были связаны со своими монастырями (в первом случае с Никольским Волосовым, во втором — с владимирским Рождественским; Иона (Думин) незадолго до кончины удалился в *alma mater*)⁶⁵. За региональными интересами русских архиереев первого столетия существования единого государства угадываются очертания длительного и непростого процесса осознания тверичами, владимирцами, рязанцами, новгородцами и сузdalцами новой политico-административной реальности. По крайней мере, некоторые из них, даже живя в столице длительное время, продолжали сохранять прежнюю региональную идентичность.

⁶⁴ Об особенностях отбора кандидатов на замещение кафедр при Иове см.: Усачёв А.С. Патриарх Иов... С. 39–55.

⁶⁵ Обзор основных фактов их биографии см.: Башин Н.В. Митрополит Иона (Думин): книжник и политик // Российская история. 2021. № 5. С. 48–60; Усачёв А.С. Рязанский епископ Иона (1522–1547) и церковная элита в России XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2(88). С. 60–75.